

Дарья Кузнецова

Чистый лист

Фэнтези • Любовный роман • Детектив

Трёхцветный мир

Дарья Кузнецова

Чистый лист

«АЛЬФА-КНИГА»

2019

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Кузнецова Д. А.

Чистый лист / Д. А. Кузнецова — «АЛЬФА-КНИГА»,
2019 — (Трёхцветный мир)

ISBN 978-5-9922-2955-4

Я – результат ошибки в расчетах одного профессора фиолетовой магии. Моя жизнь началась на его лабораторном столе почти с нуля: от прошлого осталось только имя и разрозненные обрывки знаний о мире. Другом мире. Только это совсем не повод для уныния. Никогда не поздно начать жизнь с чистого листа, а приятные воспоминания – дело наживное! Особенно когда рядом такой потрясающий мужчина с целым букетом загадок.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2955-4

© Кузнецова Д. А., 2019
© АЛЬФА-КНИГА, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дарья Кузнецова

Чистый лист

Глава 1

Единственный безопасный эксперимент – тот, которого не было

- Смотри, оно живое!
- При всем моем уважении, это «она», если ориентироваться на...
- Да чтоб я посерел, какая разница?! Хоть они! Оне! Оны! Главное – живое, главное – получилось!
- Понять бы теперь, что именно...

Слушать незнакомые голоса в темноте вскоре надоело, но я догадалась открыть глаза и уставилась прямо перед собой. Немного посмотрела на потолок – белый, гладкий, по нему проплывали бесформенные радужные пятна, бледные и тускло светящиеся. Плыли они медленно, с чувством собственного достоинства, потом соскальзывали по изящному лепному бордюру и пропадали. Стены им почему-то не нравились – наверное, мешал мелкий растительный орнамент.

Проводив одно такое пятно взглядом, я моргнула и поняла, что ползают они не по потолку, а гораздо ниже, почти у меня перед глазами.

Дотянулась пальцами до первого попавшегося – рука прошла сквозь него, ничего не ощутив.

- Смотри, смотри, смотри-и!
- Может, нам стоило как-то ее зафиксировать?
- Это меня, что ли? А зачем?

Отвлечшись от пятна, я заинтересовалась собственной рукой. Подняла вторую, сравнила. Ладони узкие, пальцы тонкие, на аккуратных запястьях – пара широких браслетов из каких-то грубых кожаных ремней, непонятно зачем украшенных цветными прозрачными камнями. Смотрелось чужеродно. Нет, сама бы я такое точно не надела.

Оставив браслеты в покое, принялась осматриваться, осторожно поворачивая голову. Небольшое помещение без окон. Несколько матовых белых шаров в углах комнаты давали холодный, неприятный свет, а один, побольше, на длинной ножке, стоял у меня в изголовье. Лежала я, кстати, на чем-то жестком, скорее всего – на одном из столов.

Их тут было несколько. Большинство сдвинуты к стенам, загромождены непонятными конструкциями. Из-под белых полотнищ, укрывающих основную часть предметов – наверное, за ненадобностью, – тут и там, подстегивая фантазию, торчали разнообразные их фрагменты. Вон там веер забавных перевернутых банок со скругленными доньями, внутри которых угадывались плетеные проволочные штуки. «Лампы», – всплыло в голове странное. А потом появилась еще более странная уверенность, что хоть и похоже, но – точно не они.

А вон блестящие латунные трубки. А вон большой прибор с кучей ручек и шкалами со стрелками, спрятанными за стеклами, наверное, измерительный. А вон лес лабораторных штативов.

Поворачивать голову вбок было неудобно, поэтому я осторожно, опираясь на стол, села, заодно отметив, что одежды на мне, кроме тех же браслетов, нет. Зато есть белое полотнище, укрывающее до подмышек, – по виду обычная простыня. Я придержала ее на груди и на коленях, свесила ноги с узкой столешницы. Разглядела у себя в изножье еще один стол, на кото-

ром расположилась неведомая раскоряка из блестящих латунных труб, колбочек и проводков. Стоило мне пошевелиться, как цветные пятна растаяли.

А вот и пара здешних обитателей, с интересом наблюдающих за мной.

Оба спорщика одеты в длинные белые халаты, только на одном он небрежно распахнут, а на втором – аккуратно застегнут на все пуговицы. Оба достаточно молоды, но уже не мальчишки, лет по двадцать пять – и это единственное их сходство.

Первый, растрепанный, весь и целиком отвечал этому слову. Под халатом – неправильно застегнутая мягая рубаша навыпуск. На длинной тощей шее – незатянутый черный галстук непривычного вида, то есть короткий и в форме трапеции. Рыжие кудрявые вихры топорщились так, словно их хозяина ударило током, и это впечатление усугублял ошалевший взгляд поверх съехавших на нос узких прямоугольных очков.

Второй спорщик был, может, и не полной, но все же противоположностью первого. На голову ниже, плотнее комплекцией. Галстук затянут так, что странно, как молодой человек вообще дышит. Волосы светлые, соломенные, аккуратно причесанные и собранные в низкий хвост. Взгляд голубых глаз внимательный, сосредоточенный. А волосы – мне не показалось, и это не радужные пятна были виноваты! – светлые, но не целиком. Среди самой обыкновенной шевелюры пестрели прядки всех цветов радуги, и это совсем не вязалось с аккуратным обликом.

Присмотревшись, я обнаружила такие же цветные клоки и во встопорщенной шевелюре первого, просто там, на общем ярком фоне, они не так привлекали внимание.

– Привет, – нарушила я повисшую тишину. – А вы кто?

– Аспиранты! – сияя, словно прожектор, сообщил рыжий. – Я Небойша, а это – Вук.

– Очень приятно, – вежливо кивнула я. Немного помолчала, еще раз обвела взглядом комнату. – А я кто?

– А ты – наш проект! – маньячески сверкнул глазами Небойша и едва ли не облизнулся.

– Прое-ект, – протянула я задумчиво. Осторожно отодвинула край простыни, чтобы взглянуть на себя, и с облегчением вздохнула, не обнаружив ни проводов, ни колбочек, ни железных блестящих шурупов – обычное тело. На мой взгляд, вполне симпатичное, только кожа какая-то совсем белая. Подытожила, плотнее закутываясь в ткань: – Нет, не хочу проект.

Аспиранты растерянно переглянулись, но в этот момент распахнулась дверь, ответить они не успели.

– Что вы тут делаете? Во всем корпусе напряжение скачет! – с ходу недовольно спросил вошедший. И замер на пороге, уставившись на меня. Я заинтересованно ответила тем же.

Этот, третий, был старше двух уже знакомых. Чуть ниже рыжего, но не такой долговязый, а более складный, с широкими плечами и хорошей осанкой. Одет во что-то черное, очень похожее на мундир без погон и других знаков различия: двубортный китель, воротник-стойка, широкий ремень. Да не только одет, он весь был в темных тонах: смуглая кожа, собранные в аккуратный хвост черные волосы, даже глаза, по-моему, черные или как минимум карие.

– Эм... здрасте, – кашлянул Небойша. – А мы тут... работаем вот.

– Что это? – тихим ровным голосом спросил «здрасте», не сводя с меня взгляда.

– Проект наш. Удачный! – гордо заявил рыжий.

– Я не проект, – насупилась я. – Я Майя.

– Вы издеваетесь? – Новенький перевел тяжелый взгляд на парочку аспирантов.

– Капита... учитель Недич, это не мы! – затряс головой Небойша. – То есть это мы, но мы ее так не называли, она...

– Сама себя назвала? – язвительно уточнил черный «здрасте».

– Не знаю, – влезла я. Слушать о себе в третьем лице мне не нравилось. – Мне кажется, нет. Мне кажется, это мое имя. А тебя как зовут?

– Тебе *кажется*? – медленно спросил учитель Недич, обвел меня выразительным взглядом, а потом опять хмуро уставился на аспирантов. – Вы что натворили, идиоты? Вы хоть понимаете, что это подсудное дело?!

– Мы ее не стирали, – подал голос Вук, все такой же спокойный и собранный. – Мы ее создали. Учитель Стевич подтвердит, он курировал проект. Это гомункул, болванка, по всем расчетам у нее не должно быть никакого интеллекта, только безусловные рефлексy!

– Вот так на следствии и скажешь, – проговорил Недич. – А я посмотрю, кто вам троим поверит. Где Горан?

– Дома, наверное, мы сегодня самостоятельно работаем, – ответил уже куда менее радостный Небойша.

Глядя на его скисшую физиономию, я ощутила злорадство и едва удержалась от того, чтобы показать язык. Так-то! Будет знать, как свободную женщину «проектом» обзывать!

– Поработали, – веско уронил черный учитель. – Минич, бегом за Гораном. Бегом, я сказал, и к нему, а не к телефону! Или ты хочешь, чтобы ваши «бесчеловечные эксперименты» утром оказались на первых полосах всех столичных газет? Касич, найди своему эксперименту что-нибудь из одежды.

– Зачем? – озадачился белобрысый, а рыжий тем временем послушно умчался за загадочным Гораном.

– Касич, ты из какой норы выполз? – тяжело вздохнул Недич. – На лабораторном столе сидит голая девушка. Боги с ними, с приличиями! Как ты думаешь, ей очень удобно?

Вук недовольно поморщился, но спорить со старшим не стал и куда-то вышел, а учитель приблизился ко мне.

– Дайте руку, – попросил ровно.

Я послушалась без возражений и стала с удовольствием разглядывать мужчину вблизи. Не знаю, кто я и где оказалась, но этот тип мне точно нравился. Хотя, подозреваю, одежда послужила предлогом отослать тех двоих и расспросить меня в спокойной обстановке, но хороший же предлог! Ведь, чтобы такой придумать, действительно надо побеспокоиться о моем удобстве!

По-моему, это очень мило.

– Вы что-нибудь помните о себе, Майя? – спросил мужчина мягко, аккуратно расстегивая браслет. У того было несколько хитрых замочков, я бы сама так сразу и не разобралась.

Вот мы и приблизились к сути.

– Не-а. – Я качнула головой. Потом подумала немного и добавила: – Но я точно женщина. А еще я знаю, как называются вещи. Только не все. Вот у тебя, например, это – китель. – Я протянула руку, чтобы пощупать ткань, та оказалась приятной – гладкой, плотной, шелковистой. – А вот что там такое на столе топорщится – понятия не имею.

– Честно говоря, этого я тоже не знаю, – пробормотал Недич, покосившись в указанную сторону. – Давайте второй браслет. Как вы себя чувствуете?

– Хорошо, – не задумываясь, ответила я.

– И отсутствие памяти не беспокоит? Не пугает? – продолжил допытываться он.

– Вроде нет. – Я пожала плечами. – А должно?

– Стертых беспокоит, – заметил Недич.

– Ты не поверил этим двум обалдуям? – сообразила я.

– Я не думаю, что они врут, – возразил учитель. – Но я не понимаю, что они натворили. И они сами, похоже, тоже не понимают. Надеюсь, сейчас придет Горан Стевич, он их курирует, и разберется.

– А что значит – «стертые»? Кто это такие?

Мой собеседник выразительно приподнял брови от удивления и задумчиво уточнил:

– Ты не знаешь? Очень странно. Это люди, которые в сознательном возрасте полностью лишаются личных воспоминаний. Очень похоже на твой случай.

– И что, подобное часто встречается?

– Почему ты так решила? – Недич искоса глянул на меня и отшелкнул второй браслет. Я инстинктивно потеряла запястье.

– Ну, раз за это отдельная статья законом предусмотрена. – Я пожала плечами. – Во всяком случае, я с твоих слов поняла именно так.

– Очень странно, – заметил он, правда, я так и не уловила, что именно показалось мужчине странным. – Это не новость, действительно. Фиолетовые спецы такое умеют.

– Кто фиолетовые? – уточнила я.

– Специалисты по фиолетовой магии, – пояснил Недич.

– Магии не существует, – уверенно фыркнула я.

Лицо мужчины удивленно вытянулось, но в этот момент разговор прервался, вернулся белобрысый Вук с какой-то белой тряпкой в руках.

– Вот, все, что нашел, – сообщил он, протягивая добычу учителю. – Надеюсь, Миляна не узнает...

– Лаборантка Докич в любом случае переживет потерю одного халата. – Учитель почему-то скривился, как будто услышал какую-то гадость, расправил одежду и с явным сомнением протянул мне. – Попробуйте, Майя. Я не уверен, что подойдет, но...

И, когда я аккуратно забрала халат, отвернулся, сцепил руки за спиной, еще и на зазевавшегося аспиранта шикнул.

Я с сомнением поглядела на забранные в черный хвост волосы, свисающие между лопаток. Ничего не помню о себе и жизни, но точно знаю: я бы вот так легко какому-то подозрительному эксперименту не доверилась! А вдруг этот проект – буйный? Я, положим, в себе уверена, что не прыгну и не вцеплюсь в холку, но он-то это откуда знает?

Нет, все-таки он очень милый!

Я осторожно сползла со стола на пол. К счастью, тот был не каменным и даже не бетонным, а паркетным. Ничего особенно выдающегося, простенькая елочка, но мне это почему-то показалось странным.

Бросив простыню на стол, я поспешила натянуть халат и застегнуть пуговицы. Тот оказался немного великоват, но это не расстроило. Если бы не столь глубокий вырез: верхняя пуговица располагалась на уровне солнечного сплетения.

По-моему, покрой у этого халатика совсем не такой, как у мужских, да и длина всего до середины бедра. Кажется, я знаю, чем занимается здесь загадочная «лаборантка Докич», и это совсем даже не работа! И, скорее всего, именно это так не нравится черному учителю.

– Ну вот, как-то так, – с сомнением проговорила я, одергивая свою единственную одежду и придерживая воротник. Мужчины обернулись. – Не знаю, что я предпочитаю носить, но этот вырез до пупка – определенно не мое!

– Простите, больше ничего нет, – задумчиво проговорил Вук, не отводя глаз от моих коленок.

А Недич, окинув меня взглядом, устало выдохнул что-то вроде «никуда не годится» и со щелчком расстегнул собственный ремень. Пара секунд, и он уже сбросил китель и остался в рубашке с длинным рукавом и таком же галстуке, как у аспирантов. Только рубашка тоже была черная.

– Прошу. – Он выразительно придержал пиджак за плечи, предлагая мне.

Пока я закатывала слишком длинные рукава, с куда большим интересом, чем халат, ощупывала чужую одежду и принималась, брюнет подошел к двери, выглянул наружу. Потом обернулся к нам и скомандовал:

– Майя, пойдите в мой кабинет, здесь недалеко. Касич, дождитесь своего руководителя и приходите все вместе, нечего нам тут торчать. И, ради богов, не забудьте все выключить!

– Учитель Недич, об этом могли и не напоминать, – недовольно нахмурился Вук. – При всем моем уважении...

– Мог бы, – перебил он. – Но если бы вы всегда об этом помнили, надобность в дежурных преподавателях отпала бы. Пойдемте, Майя.

За тяжелой деревянной дверью находился длинный просторный коридор, вдоль которого тянулись ряды точно таких же дверей с блестящими номерами, а кое-где с именными табличками. Стены теплого оттенка кофе с молоком, обшитые внизу деревянными панелями, на полу – жесткий бордовый ковер с коротким ворсом, идти по которому босиком было очень-то приятно. С другой стороны, ковер теплый и даже чистый, а на его месте вполне могла оказаться грязная керамическая плитка, так что я не жаловалась, просто шла аккуратно, на носочках.

Окружающая обстановка, несмотря на уют и даже красоту, раздражала своей необычностью и неправильностью. Учителя, кабинеты, лаборантки с аспирантами – я точно знала, что все это атрибуты некоего учебного заведения, а вот внешний вид коридоров больше соответствовал какой-то роскошной гостинице или месту обитания высокопоставленных чиновников. То есть я могла предположить, что неизвестный институт настолько элитен, но готова была поклясться: мне посещать подобные не доводилось.

– Проходите. – Недич распахнул одну из дверей, табличку на которой я прочитать не успела. – Вон туда. В углу, видите дверь?

– Ух ты! – ответила я, замирая на пороге. – А что ты преподаешь?!

– Навигация, конструирование и эксплуатация ОКК, плюс еще некоторые сопутствующие дисциплины, – невозмутимо ответил хозяин кабинета, мягко подталкивая меня в спину.

– Что есть «ОКК»? – не сдалась я, даже ухватила за удачно оказавшийся рядом стол. Силком меня, как и ожидалось, не поволокли.

– Оболочечно-каркасные конструкции, – пояснил Недич. – Майя, пожалуйста, давайте не будем стоять на пороге.

– Ага... – протянула я, с восторгом разглядывая подвешенные тут и там макеты разнокалиберных аэростатов. Некоторые показались смутно знакомыми, опознать другие удалось только при подключении фантазии – это были странные решетчатые агрегаты с винтами и крыльями. – Обалденно!

– Что, простите? – растерялся хозяин кабинета.

– Здорово, говорю! – ответила, не оборачиваясь и продолжая на всякий случай держаться за стол. – Тут есть дирижабли! А самолеты уже придумали?

– Майя, прошу вас, давайте пройдем в кабинет, – немного построжевым тоном повторил Недич. – Там разговаривать гораздо удобнее.

– Ну а все-таки? Дошли вы уже до самолетов или нет? Про ракеты не спрашиваю, наверное, нет...

– Мне все интереснее, что именно натворили эти два молодых дарования, – вздохнул мужчина. – До самолетов *мы* дошли и до ракет – тоже, хотя я не представляю, откуда бы *вам* знать о последних достижениях оружейников, которые пока упоминались только в закрытой печати. И почему, собственно, вы отделяете себя от всех остальных. Майя, вы что, шпион из Регидона?

– Я? Шпион? Реги – откуда? – так удивилась я, что даже выпустила стол и позволила мужчине увести меня за дверь в углу.

– Оттуда, – серьезно подтвердил Недич. – Садитесь. Чай, кофе? Хм. А вы вообще нуждаетесь в пище? – чуть тише спросил он уже себя самого.

– Кофе – звучит заманчиво. Предлагаю проверить опытным путем! – решила я и все-таки плюхнулась в одно из двух кресел.

Хозяин кабинета прошел в угол, где на небольшой тумбочке красовался пузатый чайник верхом на непонятной разлапистой конструкции. В голове всплыло слово «примус», но уверенности, как с другими предметами, не было. Мужчина заглянул под крышку чайника, удовлетворенно хмыкнул, что-то под этим чайником повернул и полез в тумбочку. Пока он молча возился, я так же молча озиралась.

Первая комната, через которую мы прошли, была чем-то средним между учебной мастерской и складом пособий: четыре пустых стола в два ряда, напротив входа – еще один, пятый, больше других, на нем громоздилась внушительная штукавина с кнопками и ручками. Почему-то я решила, что это счетный аппарат, но даже примерно не могла представить, как он работает. Кроме аппарата, там лежали стопки папок и книг, стоял большой стакан с остро заточенными карандашами, позади стола виднелась большая чертежная доска. Вдоль стен выстроилось несколько закрытых шкафов, ну и еще свисали с потолка те самые пособия-модели, которые так меня заинтересовали.

Вторая комната, хоть и являлась скорее личным помещением, походила на первую: тут обнаружилась еще одна чертежная доска, поменьше, и даже пара макетов дирижаблей. Только эти аэростаты прятались в стеклянных витринах и были выполнены гораздо подробнее – уже не учебные пособия, а коллекционные вещицы, собранные с точностью до заклепки на крохотной гондоле. Шкафы с книгами меня не интересовали, как и диван на ножках, и пара кресел, и несколько изящных стульев со спинками, а вот усидеть вдали от моделей оказалось трудно. Долго бороться с собой я не стала, подошла и почти уткнулась носом в витрину.

– Откуда у вас такой интерес к аэростатам? – прозвучало через некоторое время над моей головой. Да так неожиданно, что я дернулась и едва не протаранила лбом витрину. Но Недич проявил похвальную ловкость и успел одной рукой схватить меня за локоть, а второй на всякий случай придержал стекло. – Это какое-то воспоминание? Вы с ними работали? – предположил он с явным сомнением и вновь попытался аккуратно вернуть меня в кресло.

– Н-нет, точно не работала. – Я качнула головой. – И, кажется, я в них мало что понимаю. Но они же... такие классные! Такой винтаж!

– Своеобразное отношение, – осторожно заметил мужчина. – Садитесь, кофе уже готов.

– Спасибо. Слушай, а почему ты мне «выкаешь», когда я с тобой – на «ты»? Может, тебе неприятно?

– Можете говорить так, как вам удобно. – Он невозмутимо вернул меня в кресло, поставил на стул рядом поднос с чашкой.

– Мне неудобно, что ты со мной так официально, – подумав пару секунд, решила я.

– Я не могу обращаться к незнакомой молодой девушке на «ты», это неприлично, – столь же спокойно пояснил брюнет и опустился в кресло напротив.

– А почему те двое обращались? – любопытствовала я. Понюхала кофе; пах он вкусно, вот только оказался очень горячим.

– Это их личное дело. Майя, ну что еще? – вздохнул Недич, когда я все же не усидела на месте и подобралась к другой витрине. Подошел, навис тучей, но хоть отгаскивать не стал.

– Да ладно, ну что тебе, жалко? – Я подняла на хозяина кабинета умоляющий взгляд. – Я же вот, даже руками не трогаю, ничего не сломаю! Тут у тебя столько всего интересного, не могу я в кресле сидеть. У меня такое ощущение, что я в каком-то большом и обалденно интересном музее! А меня заставляют сидеть и пить кофе, как будто это самое важное в жизни...

– Мне не жалко, смотрите, – все же сдался Недич. И остался стоять рядом. Видимо, опасался, что я все-таки начну хватать его сокровища руками.

Даже немного обидно. Я, конечно, ничего о себе не помню, но вроде бы до сих пор не давала повода считать себя криворукой разрушительницей! Тем более что эту красоту руками трогать страшно, это же произведение искусства, а не модель.

– Май! – донесся из проходной комнаты незнакомый голос. – Май, где она?!

Обернулись мы одновременно. На пороге возник обладатель голоса, а за его спиной маячила парочка аспирантов, и я сделала вывод, что к нам присоединился тот самый Горан Стевич, куратор.

Он оказался чуть полноватым мужчиной, которого здорово старили седина и густые, исключительно неподходящие к его лицу усы. Если отвлечься от этих деталей, я бы дала ему те же тридцать пять – сорок, что и Недичу.

А еще среди седины особенно ярко выделялись разноцветные пряди очень насыщенных, ярких оттенков – красные, оранжевые и фиолетовые. Странная у них тут мода. Ладно, молодые ребята, но с седым учителем такая пестрота в моем представлении совсем не сочеталась.

– Ого! – выдохнул Стевич, глядя на меня с благоговением. Даже неловко стало, и я инстинктивно попыталась поплотнее закутаться в чужой китель. – Боги всемогущие! Действительно – как живая...

– Почему «как»? – не выдержала я. – Даже обидно, в самом деле...

– Май, она что, правда *разговаривает*?

Тут до меня наконец дошло, и я прыснула от смеха, прикрыв лицо ладонью.

– Тебя что, на самом деле зовут Май?

– Да, меня на самом деле так зовут, – подтвердил Недич. – Да, Горан, она действительно разговаривает, причем много, ходит и даже собирается пить кофе. И, мне кажется, неплохо соображает, хотя ведет себя как ребенок и употребляет порой странные и очень неожиданные слова. Поэтому будь добр, выясни все-таки, что вы наэкспериментировали с этими двумя молодыми дарованиями. Я-то верю, что вы никого не стирали, а действительно каким-то чудом создали эту девушку из гомункула. Но если вдруг происшедшим заинтересуется следственный комитет, лучше бы предоставить им что-то посущественней твоих восторгов. Кстати, ее зовут Майя. Я не имею к этому никакого отношения и настоятельно прошу по этому поводу не шутить. А теперь давайте наконец все сядем и попытаемся подумать, что делать, – подытожил он и кивнул на диван. Гости послушно усьелись, хотя Стевич продолжал на меня глазеть. – Майя? – окликнул меня хозяин кабинета, поскольку я так и осталась стоять у витрины.

– Садитесь-садитесь, разговаривайте, а я лучше тут постою, – заверила Недича. – Все равно я ничего по делу не скажу, твой аэростат мне пока интересней. А еще прости, но этот Стевич на меня так смотрит, словно прямо сейчас потащит на трепанацию. Я, может, и неестественным образом появилась на свет, но жить от этого хочу не меньше.

– Майя, он не укусит. Обещаю, никакой... трепанации. Откуда вы только такие слова знаете? Пожалуйста, сядьте.

– А что ты меня так активно усадить пытаешься? – возмутилась я уже из принципа. – Тебе надо, ты и садись, а я тут постою!

– Хорошо, стойте, – устало кивнул он и привалился плечом к шкафу.

Какая-то абсурдная ситуация, честное слово.

– Кхм. Майя, да? – осторожно позвал Стевич. – Прости, я в первый момент очень растерялся, увидев тебя. Обещаю не причинять вреда, и уж, конечно, никакой трепанации. Сделай, пожалуйста, что Май просит.

– Зачем? – уже всерьез заинтересовалась я.

– Я не специалист по травмам, но...

– Горан, давай все-таки к делу, а? – оборвал его недовольный Недич.

– Май сегодня набегался, а он сейчас не в той форме...

– Горан, я тебе язык укорочу! – пригрозил хозяин кабинета, окончательно меня заинтриговав.

– Да при чем тут он?! – не выдержала я.

– Пока ты стоишь, он не может сесть, – коротко и доходчиво пояснил Стевич.

– Почему? – опешила я и изумленно уставилась на тезку, явно жалеющего, что умудрился привлечь внимание к этому дурацком вопросу.

– Потому что воспитание не позволяет, – ответил Горан со смешком. – Это мы тут все... по-простому, а Май из старой аристократии, у них там свои правила.

– А-а, – задумчиво и немного пришибленно протянула я, растерянно покосилась на Недича, после чего паинькой уселась в кресло, даже руки на коленях аккуратно сложила. И действительно, сразу после этого Май прошел ко второму креслу и тяжело опустился – или даже почти рухнул в него. – А что не так с его формой?

Неловко вышло. Вот почему тезка меня усадить пытался! Ну так и рывкнул бы доходчиво, мол, сиди и не отсвечивай. Хотя, наверное, рывкнуть ему тем более воспитание не позволяло...

– Да понимаешь, после аварии... – охотно отозвался мой главный создатель.

– Горан! – рыкнул Недич, и, судя по его лицу, на этот раз Стевич уже переступил черту: если до этого Май одергивал коллегу тяжело, устало, то сейчас – явно злился.

Ан нет, все-таки рывкать он умеет. Но, подозреваю, только на избранных, и даже представить не могу, что мне нужно сделать, чтобы этот человек сорвался на меня. И выяснять опытным путем не хочется: он такой милый, что о подобном даже думать стыдно.

– Прости, давай к делу, – тут же пошел на попятную Горан.

Из дальнейшего обсуждения, которое в основном вел Стевич со своими аспирантами, я поняла, что они действительно не в курсе, как именно я получилась. Очевидно, что-то пошло не так, но что конкретно – сразу никто сказать не мог, надо было думать и пересчитывать все результаты. Но главная проблема сейчас заключалась не в этом, а в том, куда меня деть на время расчетов. Стевич оказался тем самым «фиолетовым специалистом», который действительно мог стереть чью-то личность, и признал правоту Мая: вряд ли кто-то поверит его научному открытию на стадии, когда еще непонятно, что именно открыто.

Тем более Стевич был известен своими... смелыми взглядами на проблему стирания и предлагал расширить границы применения методики. Сейчас ее использовали только в качестве последнего средства при некоторых тяжелых психических расстройствах, а Горан полагал, что подобная мера допустима и в других случаях. Например, это возможность в полном смысле начать все с чистого листа для тех людей, которые потеряли смысл жизни и всерьез склонялись к самоубийству. Не по назначению врачебного консилиума, а по собственному желанию. И самой серьезной проблемой на пути повсеместного внедрения стирания он полагал чрезмерное, травмирующее беспокойство, возникающее у стертых людей из-за отсутствия у них личных воспоминаний. Пересказ с чужих слов обычно воспринимался в штыки, врачам эти люди не верили, не верили вообще никому, даже ближайшим родственникам, так что после стирания им, помимо прочего, требовалось длительное и сложное восстановление.

В результате я начала поглядывать на Стевича с подозрением: слишком мой случай походил на «прорыв» в этом направлении.

– Мне не дают покоя странности Майи, – заметил Недич. – Она не знает многих элементарных вещей, но при этом совсем не похожа на гостью из какого-то глухого угла. При всем уважении к тихим уголкам дальних провинций, я не думаю, что кто-то из тамошних обитателей может не знать о магии, но при этом находиться в курсе военных разработок.

– Любопытно, – кивнул Горан. – Скажи, Майя, а есть что-то, что кажется тебе странным?

– Слабо сказано! – охотно ответила я. – Может, конечно, все так и должно быть, я про стирание памяти ничего не знаю. Но странным мне кажется все. То есть мне знакомы предметы, люди, комнаты, но все совсем не так, как должно быть. И хотя я уверена, что никогда

в этом здании не бывала и настоящих дирижаблей не видела, они кажутся мне очень интересными и завлекательными. Как такое возможно? Но, главное, вы тут все так уверенно говорите про магию, про фиолетовую, еще про красную... а я точно знаю, что магии не существует. И это *очень* странное чувство.

– Кхм, – негромко крякнул Стевич. – Не существует магии? Я, признаться, в недоумении. Боюсь, никаких версий твоего происхождения у меня теперь не осталось, пойду посмотрю...

– Горан, ты ничего не забыл? – окликнул его Недич. – Может, сначала решим насущный вопрос, куда деть девушку?

– Ох... да, прости, я увлекся, – смутился тот, разом погрузнев. – Но я не представляю, что делать! Боюсь, объяснить все Деяне, если я приведу Майю к себе, будет куда сложнее, чем следователям. А уж ребятам ее тем более девать некуда. – Горан обвел взглядом своих аспирантов.

– Вот именно, – веско кивнул хозяин кабинета, и все взгляды скрестились на мне.

– Я буду сопротивляться, – на всякий случай предупредила их и для уверенности покрепче вцепилась в китель.

– Сопротивляться чему? – озадачился Май.

– Попыткам меня устранить. Ну, знаешь, как говорят: «Нет тела – нет и дела».

– Давайте не начинать с крайних методов, – поморщился Недич.

– Май, а может, ты ее возьмешь? – Горан с надеждой уставился на друга.

– В каком смысле? – опешил тот.

– Ну, у тебя же остались связи, вдруг получится выхлопотать девушке документы. К тому же ты сейчас – наиболее безопасное для нее соседство. Опять же, с твоей репутацией никто даже мысли не допустит, что ты мог совершить такой неблагоприятный поступок, как стирание личности!

– Как показывает практика, цена этой репутации – медяха, – скривился Недич.

– Ну ты сравнил масштабы! То какая-то никому не известная девушка, а то... – чуть смутился, но не сдался Горан. – К тому же, мне кажется, вы поладили.

– И в каком качестве ты предлагаешь мне ее забрать? – вздохнул Май.

– Да не все ли равно! Ты ведь один живешь, так какая разница?

– Принципиальная! – огрызнулся Недич.

– Ну родственницей дальней назови, сложно, что ли?

– Мои родственники расписаны до пятнадцатого колена, и я не возьму на себя смелость приписать троюродному дядюшке еще одну дочь, потому что об этом подлоге станет известно через декаду, – возразил хозяин кабинета.

– Ну, значит, не родственницей! Знакомой, приятельницей, дочкой покойного сослуживца, да какая вообще разница! – всплеснул руками Горан.

– Ты шутишь? – возмутился Май. – Как ты заметил, я живу один!

– И?

– И не могу привести в дом молодую незамужнюю девушку! Это неприлично, понимаешь? Она просто не сумеет потом восстановить собственную репутацию!

– Ма-ай! – простонал Стевич, запрокинув голову и стукнувшись затылком о спинку дивана. – Ты отличный человек и замечательный друг, но в такие моменты мне хочется тебя убить! Какая репутация?! Она гомункул без биографии с очень странными проблесками воспоминаний! Это вопрос ее выживания! В конце концов, можно спросить у нее самой. Майя, тебя волнует твоя репутация порядочной девушки?

– Честно? – хмыкнула я. – Ни в одном глазу. Что-то мне подсказывает, я по жизни не очень порядочная девушка.

– Ты просто не понимаешь, – устало вздохнул Май. – Тебе житья не дадут!

Хм, а все-таки и у его терпения и вежливости есть предел. На «ты» перешел. Надолго ли?

– Ну будут меня считать твоей содержанкой, подумаешь, беда какая! Тем более, я так понимаю, это важно только в ваших аристократических кругах. А я с ними, по-моему, даже рядом никогда не стояла.

– Май, пожалуйста, это ненадолго. Я надеюсь, скоро мы разберемся во всем, и прятать ее отпадет необходимость, но пока я больше ничего не могу придумать, – вмешался Стевич. – Да, кстати, если нужны деньги...

– Ты прекрасно знаешь, что деньги меня волнуют в последнюю очередь, – отмахнулся Недич, явно сдаваясь. – Дурацкая ситуация. Хорошо, я что-нибудь придумаю. Только нужно где-то найти одежду и обувь, чтобы Майя могла выйти и сесть в авто.

– Погодите, что, и все? – не утерпела я.

– Все, что нужно, можно приобрести позже, – невозмутимо пояснил Май.

– Стой, стой! – Я замахала на него руками. – Я и так в шоке, не надо усугублять! Вот это – все? То есть спокойно решили, куда меня поселить и как сделать документы, и пошли по домам? Нет, я не в претензии, но это как-то... Вы что, настолько мне доверяете и относитесь как к классической «даме в беде»? А вдруг я вру? А вдруг я правда какой-нибудь шпион?

– Про шпиона была шутка, – вздохнул Недич. – Майя, вы сейчас не можете врать и представлять опасность. Это видно. При других обстоятельствах я бы настоял на том, чтобы вызвать следователей, но сейчас в защите нуждается именно вы.

– Что, поймают и будут исследовать? – спросила я с нервным смешком.

Ну вот... Как быстро он взял себя в руки, а я-то уже обрадовалась!

– Нет. Майя, вы сейчас – чистый лист. Стирание опасно и запрещено не только потому, что утрачивается личность, но потому, что на освободившемся месте можно создать что угодно. Чтобы повлиять на вас, даже стараться не надо, новорожденные дети приходят в мир куда более защищенными. Пусть с морально-этической точки зрения это неправильно, но Горан говорит верно: я один из немногих, чье соседство вам на данном этапе неопасно.

– Как повлиять? – запуталась я. – И почему именно ты – безопасен? Нет, не подумай, я ничего не имею против, ты очень милый, но хотелось бы подробностей.

Недич поперхнулся ответом, Горан и Небойша дружно захохотали, а Вук неодобрительно нахмурился.

– Я... кхм. Польщен, – смущенно кашлянув, сообщил Май и поспешил поскорее перейти к делу.

Все снова упиралось в ту самую магию, с существованием которой мне почему-то было очень тяжело смириться. В той или иной степени умением видеть магию, сопротивляться и пользоваться ей обладали все люди, это было еще одно чувство наряду со зрением, слухом и прочими привычными. Эта способность появлялась еще до рождения, развивалась вместе с ребенком и для кого-то становилась основой будущей профессии, как слух для музыкантов.

Здесьние обитатели настолько сживались с этой способностью, что использовали ее произвольно, по мелочи, в обычной жизни, в личном общении, даже не пытаясь всерьез на кого-то повлиять. Нормальными взрослыми людьми магия воспринималась где-то на подсознательном уровне наряду с запахом, и реакция шла тоже из глубины сознания, влияла на первое впечатление, но и только.

А вот на меня магия действовала иначе, заставляла меняться и подстраиваться. При длительном нахождении рядом с одним человеком неизбежно возникли бы привыкание и зависимость: мой организм так настроился бы на этот «запах», что существование без него стало бы вызывать дискомфорт, вплоть до самых мучительных его проявлений, включая физическую боль, и могло даже привести к смерти.

– И что, мне теперь всю жизнь от людей шарахаться? – ужаснулась я.

– Нет, это временно, – успокоил Горан. – У тебя выработается защита, у стертых это происходит достаточно быстро. Думаю, через неделю тебя уже сложно будет отличить от обычного

человека и станет возможно свободно выпускать в люди. И тебе никакого вреда, и впечатли-
тельным окружающим никакого ущерба. Увы, какие-то магические способы маскировки сей-
час к тебе применять чревато, вреда будет больше, чем пользы.

– А что не так с окружающими? – заинтересовалась я.

– Ну... Май, а у тебя тут зеркала, случайно, нет?

– Случайно, есть, – отозвался тот и, опираясь на подлокотники, поднялся.

– Да я бы обошлась, – виновато заметила тезке. – Куда ты подорвался?

– Майя, я не умирающий и даже не смертельно больной, – поморщился Недич. – Идите
сюда, вам действительно нелишне взглянуть.

Зеркало нашлось на внутренней стороне дверцы одного из шкафов, оказавшегося пла-
тяным.

– Ой, ма-ама, – протянула я, рассматривая собственное отражение. – Вот же... жуть с
глазами. Это точно не навсегда?

– Да. Глаза скоро поменяют цвет, они восстанавливаются первыми.

– Ты меня утешил.

Неестественную белизну собственной кожи и волос я отметила раньше, но вокруг было
слишком много куда более интересных вещей, чтобы обращать на это внимание. Да все смот-
релось бы не так страшно, если бы не глаза. Даже не красные, как у альбиносов, а в полном
смысле слова – белые, с черными дырочками зрачков.

– А у вас, господа, крепкие нервы, – заметила я. – Смотрю на это, и мне хочется шарах-
нуться в сторону или шарахнуть чем-то тяжелым. А ну как приснится?!

– Вы красивая девушка, Майя, – убежденно возразил Недич, возвращая мне компли-
мент. – А цвет глаз поменяется, это ерунда.

Нет, ну ведь он правда ужасно милый!

– Спасибо, – ответила я с проникновенной улыбкой.

А нервы и впрямь крепкие, Недич даже не поморщился, хотя гримаса у меня наверняка
получилась впечатляющая.

Обменявшись с тезкой любезностями, я вернулась обратно в кресло, чтобы не заставлять
мужчину стоять. Спасибо, я уже это выучила, и мне до сих пор стыдно. Кстати, надо бы узнать,
что там за авария такая и что у нее за последствия, а то мало ли как еще я умудрюсь ему
невольно навредить?

– Так, а почему именно Май для меня безопасен?

– Потому что он черный.

– Прости, что? – переспросила я, недоверчиво уставившись на Стевича. Ассоциации в
голове возникли очень смутные, я так и не поняла, с чем именно, но – точно неправильные,
потому что слово Недичу не подходило.

– Черный маг.

– Это хорошо? – неуверенно уточнила и рассеянно потерла лоб. – Знаешь, хоть магии
и нет, но мне почему-то кажется, что черный маг – это, наоборот, очень плохо. И совсем не
про Мая.

– В этом нет ничего плохого, это просто цвет магии, – пожал плечами Стевич. – Черная
магия – это защита, а в случае с Маем абсолютный экран от всего: он самый черный маг из
всех, кого я знаю, и ни к чему больше не предрасположен.

– А почему он тогда преподает какие-то расчетные дисциплины вместо этой черной
магии, если он такой черный?

– Потому что он в ней мало что понимает, – вздохнул Горан, почему-то бросив извиня-
ющийся взгляд на друга.

– Возможности мага во многом завязаны на его настроение, эмоциональное состояние
и личные качества, – начал Май каким-то деревянным голосом. Надеюсь, лекции он ведет

не таким тоном... – Благополучная гармоничная личность ко всему предрасположена примерно одинаково, а дальше все зависит от желаний и устремлений человека, который выбирает направление для дальнейшего развития по своему усмотрению. Любое отклонение личности от равновесия вызывает перекося. Чем сильнее перекося, тем уже спектр возможностей. Иногда, обычно под влиянием внешних обстоятельств, возможности меняются. Порой кардинально. А преподаю я то, в чем понимаю и что мне интересно.

Я открыла рот, чтобы спросить, отчего же так перекосяло самого Мая, – и закрыла. И заговорила в итоге совсем о другом, потому что...

Я, может, многого не понимаю в этой жизни и вообще «родилась» пару часов назад, но сложить два и два способна. И аварию, при упоминании которой Недич ругался, и виноватые взгляды Горана, и подчеркнуто отстраненный вид самого Мая, и другие оговорки. Спасибо, я уже догадалась, что у него недавно случилась большая беда, но благородные аристократы о своих проблемах не говорят.

Или настоящие мужчины не жалуются, или Недич предпочитает не вспоминать, или всего понемногу. В любом случае я побуду пай-девочкой и в лоб ничего спрашивать не стану. Зачем обижать хорошего человека? Лучше потом у Стевича узнаю, он наверняка расскажет. Или у любого другого знакомого Мая, потому что секрета тут явно никакого нет и в курсе все, кроме меня.

– Так. Черная магия, фиолетовая... а какая она вообще бывает?

– Давайте я расскажу об этом чуть позже, хорошо? – попросил Недич заметно оттаявшим голосом, и я мысленно похвалила себя за сообразительность и проявленный такт. – Время уже очень позднее, того и гляди Деяна придет за Гораном, и мы тогда никуда не уйдем. Господа, жду ваших предложений, где можно достать одежду здесь и в это время.

– Я сейчас принесу! – вызвался Небойша и, не дожидаясь ответа, умчался в неизвестном направлении.

– Надеюсь, никто в процессе не пострадает! – все же крикнул ему в спину Стевич.

– А может, пока он ищет, все-таки про магию? – предложила я.

Возражать мужчины не стали, и вскоре мои познания об окружающем мире еще немного расширились.

Магия делилась по цветам и складывалась из трех основных: красный – живая плоть, желтый – техника и неживая материя и синий – преобразование. На стыке цветов лежали смежные дисциплины. Например, неоднократно помянутый фиолетовый – изменения и преобразования живого, тогда как чисто красный – цвет целителей, а синий сам по себе существовал только в качестве разрушительной боевой магии и использовался очень редко.

Особняком стояли две противоположности, черный и белый. Черный считался цветом полного отрицания, направленности внутрь, закрытости и – окончания всего, смерти. Но основную часть этого направления составляла защитная магия. С белым все обстояло еще интереснее, потому что никакой белой магии не существовало, а сам цвет олицетворял пустоту, начало всего, открытость и направленность вовне.

К концу этого ликбеза я окончательно поняла две вещи. Во-первых, среди тех обрывков воспоминаний, которыми я сейчас располагала, не нашлось ничего, даже близко похожего на услышанное, и я готова была поручиться, что прежде ни с какой магией ничего общего не имела, хотя мужчин этот факт приводил в смятение. А во-вторых, мне очень хотелось в этом разобраться и изучить все нюансы, так что безобидным занятием на ближайшие несколько дней я была обеспечена, осталось добыть какую-нибудь книжку.

– «Введение в основы магии»? – уточнил Май. – Хорошо, найдем что-нибудь подходящее. Брать в университетской библиотеке, наверное, не стоит, а у меня дома его нет, но...

– Я завтра принесу, мои балбесы все равно еще не доросли, – заверил Стевич.

А потом вернулся взмокший и растрепанный Небойша с добычей, и разговор оборвался. Мужчины вышли в соседнюю комнату, позволив мне спокойно переодеться, даже дверь за собой прикрыли.

Тому, что мне принесли только ботинки на шнуровке и платье без белья, я не удивилась и поэтому не расстроилась: Небойша с его характером просто не мог самостоятельно подумать о такой мелочи.

Ботинки, к счастью, оказались велики. «К счастью» потому, что шансов угадать с размером было немного, а велики – не малы, как-нибудь доползу. Куда-нибудь. Синее платье с широкой юбкой до колен и кружевным белым воротничком тоже оказалось велико – и по объему, и по длине, но главная его проблема заключалась в другом: в ряде пуговиц строго на спине. Несколько нижних и пару верхних я в итоге застегнула, а вот извернуться так, чтобы справиться с остальными, уже не сумела. Увы, не предполагает человеческая анатомия подобных изощрений.

Вариантов осталось три: надеть платье задом наперед, оставить, как есть, нацепить сверху халат и сделать вид, что все нормально, или попросить помощи. Я начала с самого удобного варианта и, придерживая платье, решительно шагнула за порог.

– Господа, у меня небольшая проблема... Ой, а они все уже разбежались?

– Да. Аспиранты ушли по домам, а Горан обещал обойти лабораторный корпус и все проверить. Что случилось? – Май при моем появлении поднялся со стула.

– Помогите, пожалуйста, – шагнула я к нему и выразительно повернулась спиной.

Несколько секунд висела неподвижная тишина, а потом мужчина принялся аккуратно и весьма ловко застегивать мелкие пуговицы. Молча. Наверное, происходящее было очень неприлично, но сообщать об этом Недич благоразумно не стал: понятно же, что вариантов немного.

– Ага, попался! Ой...

Входная дверь с грохотом распахнулась, и на пороге возникла взъерошенная девушка. Высокая, статная, с собранными в толстую косу светлыми волосами, пестрящими все теми же цветными прядками: подозреваю, это не местная мода, а некое проявление магии, надо бы расспросить при случае. Одета пришелица была в халат и вязанные тапочки.

– Доброй ночи, – ровно поздоровался Недич. – Вы что-то хотели, студентка Добрица?

– Ой, – повторила она, не сводя с нас непонятного взгляда – не то испуганного, не то восхищенного. – Простите... Я видела, Небойша сюда свернул, и... в общем, простите, пожалуйста! А где он?

– Вы с ним разминувшись, – невозмутимо ответил Май, застегивая последнюю пуговицу. – Аспирант Минич должен находиться на пути в общежитие.

– Ага. Спасибо... – Студентка еще несколько секунд помялась на пороге, потом опомнилась, еще раз извинилась и ушла, аккуратно прикрыв за собой дверь. А я рассмеялась.

– Похоже, платье он просто спер. Боюсь даже представить, что подумала бедная девушка!

– Не вижу ничего смешного, – возразил Май. – Ситуация весьма компрометирующая, особенно для вас, и...

– Только не говори, что ты, как честный человек, теперь обязан на мне жениться! – перебила Недича.

– По-хорошему – да, но вы несколько переоцениваете мою щепетильность, – невозмутимо подтвердил Май. – Просто слухи пойдут раньше. Кроме того, у подобной ситуации есть плюсы: что-то мне подсказывает, что Добрица не придаст значения цвету ваших глаз и скорее упомянет совсем другие детали.

– Страшно даже представить, что она может наговорить! – вновь засмеялась я. – Это чем мы должны были заниматься и в каком составе, чтобы Небойше пришлось воровать для меня платье, в которое ты меня одевал!

– Не вижу ничего смешного, – поморщившись, повторил Недич. – Успокаивает, что в любом случае *в такие* подробности точно никто не поверит.

– «Не смешно, не смешно!» – передразнила я. – Знаешь что? Ты, Май, зануда! Поехали домой, может, выспишься, поешь и повеселеешь, – решила я и, подцепив мужчину под локоть, потянула к выходу.

Сопротивляться и выдирать локоть тетка не стал, наоборот, согнул руку, чтобы мне было удобнее опираться, – наверное, в этом жесте ничего неприличного не видел даже он. Погасил свет необычным, забавным выключателем – плоской блестящей ручкой, которую нужно было повернуть, запер дверь на ключ, и мы двинулись по коридору навстречу неизвестности.

Для меня – неизвестности, Недич-то ориентировался здесь вполне уверенно.

Глава 2

Залог здоровья мужчины – новое платье женщины

За время пути по коридорам, потом на лифте – просторном, с красивыми коваными дверцами, которые Недич открывал и закрывал вручную, – и вновь по коридорам и лестницам я успела расспросить своего спутника, а где мы, собственно, находимся.

Берянский государственный университет имени Тихомира Зорича являлся крупнейшим во всем Ольбаде, располагался в его столице Беряне и занимал в общей сложности восемнадцать зданий. Тот корпус, в котором находились мы, назывался «лабораторно-практическим», он сообщался переходами с преподавательским общежитием (где жили еще и аспиранты, и некоторые студенты) и одним из учебных корпусов. В ближайших окрестностях стояло еще три здания университета, остальные были разбросаны по городу.

Кроме того, неофициально учебному заведению принадлежали несколько жилых домов в округе – просто потому, что в большинстве квартир обитали местные работники, как, например, Стевич.

За Маем, который жил в другом месте, была закреплена комната в общежитии, где он ночевал, когда не хотел ехать через полгорода. Насколько я поняла, подобное случалось очень часто, но сейчас Недич намеревался отвезти меня в свой дом.

Снаружи здания университета впечатляли не меньше, чем внутри. Высокие, с нарядными золотисто-коричневыми фасадами, украшенными пилястрами и лепниной. Три здания образовывали большой внутренний двор, посреди которого зеленел сквер, окаймленный достаточно широкой мощеной дорогой. А вот остальные подробности мешала разглядеть ночная темнота: вдоль брусчатки тянулся ряд высоких и ярких фонарей, заливающих желтым светом и стены, и кроны ближайших деревьев, а весь остальной мир утонул во мраке.

– Ух ты! – не удержалась я, когда мы остановились у припаркованного неподалеку автомобиля. – Обалдеть! Май, а можно я поведу?!

– Вы умеете? – недоверчиво уточнил Недич.

– Да! Кажется... Только, кажется, что-то другое, – добавила, разглядывая великолепного вороненого монстра с длинным капотом и блестящими фарами.

– Давайте в следующий раз, хорошо? – с нотами обреченности в голосе попросил Май, открывая заднюю дверцу, кажется, чтобы положить портфель. Небольшой такой, элегантно-кожаный, я не заметила, когда тезка успел его прихватить. – В такое время сложно встретить дорожную инспекцию, но не стоит дразнить богов, у вас же нет никаких документов.

– Ну хорошо, как скажешь, – не стала настаивать я, обошла мужчину и потянула на себя за ручку тяжелую переднюю дверцу. – Все равно я дорогу не знаю.

– Майя, вы... что вы делаете? – осторожно поинтересовался Недич, все так же стоявший у открытой дверцы.

– Сажусь, – доходчиво пояснила я, плюхнувшись на холодное гладкое сиденье, и захлопнула дверцу. После чего обернулась через плечо: – А что, ты передумал и мне уже можно за руль?

– Садитесь вперед? – совсем потерянно уточнил мужчина.

– Ну... да. А куда надо? – растерялась я. – Что, сюда нельзя?

– Как вам будет удобно, – обреченно вздохнул Май, закрыл дверцу и, обойдя автомобиль, сел за руль.

– Обалдеть... Роскошно! – пробормотала я, озираясь и поглаживая то кожаную обивку, то лакированные деревянные вставки, то блестящие латунные ручки. – Красота какая!

Пока я восхищалась внутренним великолепием вороного авто, Май пробудил его ото сна, и салон наполнился басовитым урчанием двигателя. А потом монстр с рычанием плавно тронулся с места.

Я поерзала. Ощущение было странное: вроде сидеть удобно, но чего-то все равно не хватало. Непокойно.

– Слушай, мне кажется, тут еще должен быть ремень, – сообразила я, рассеянно ощупывая бока сиденья.

– Какой ремень? – не понял Недич.

– Ну... такой, для удержания себя в кресле. Чтобы, если вдруг авария, не улететь вперед.

– Очень странно, – пробормотал мужчина, покосившись на меня с уже знакомым недоверчиво-растерянным выражением.

– Что именно? – так и не дождалась я продолжения.

– Это экспериментальное приспособление, которое не то что не пошло в серию, оно пока толком не опробовано, не доказаны его эффективность и необходимость. А ты ведешь себя так, словно это нечто привычное. Пристегивные ремни, ракеты... Может, Стевич вытащил тебя из будущего? Версия, конечно, из модного авантюрного романа, но... Признаться, она единственная что-то объясняет.

– Из будущего так из будущего, – беспечно пожала я плечами. Собственное происхождение по-прежнему занимало меня куда меньше, чем окружающий мир. – А откуда ты все это знаешь? Все экспериментальные разработки, и даже закрытые, специальные...

– Люблю технику и интересуюсь новинками, – ответил Май рассеянно.

Авто плавно плыло по дороге, мерно покачиваясь и валяжно, с чувством собственного достоинства, заходя на повороты. Шелестела под колесами мостовая, рычал мотор, золотистый свет фар таял в лучах фонарей – с тем чтобы возродиться в ближайшем темном переулке и внезапно выхватить из мрака что-то неожиданное. Пару гротескных, причудливых бронзовых статуй в углах небольшого портика, закрытые кованые ворота в арке – изящное чугунное кружево, шаткую фигуру припозднившегося прохожего, метнувшуюся в подвальное окошко быструю серую тень – то ли кошку, то ли крысу.

При последней мысли меня передернуло.

Так. Крысы. Я что, их боюсь?

Представила – серую, усатую, с длинным голым хвостом... И поймала себя на попытке закопаться в кресло целиком.

– Майя, что с вами? – Даже Недич заметил, а он внимательно следил за дорогой и в мою сторону как будто не смотрел.

– Все нормально, – отмахнулась я и затрясла головой, пытаясь отогнать очень навязчивое видение длинного извивающегося розового хвоста. – Блин! Я, кажется, крыс боюсь. Даже мыслей о крысах! Бр-р! Май, срочно отвлеки меня чем-нибудь, зачем я о них подумала?!

– У меня дома их точно нет, – неуверенно попытался подбодрить меня мужчина. – И в Зоринке тоже.

– Где? – заинтересовалась я.

– В университете, – пояснил Май. – Его так называют для краткости.

– А, точно, он же имени Зорича! – вспомнила я. – А кто это был, если его именем назвали такое большое и почтенное заведение? Просветитель, основатель?

– Нет, – хмыкнул тезка. – Основал его один из ольбадских владык за несколько веков до Объединения, тогда университет был единственным на всю страну и назывался просто – Ольбадский.

– А Объединение – это?..

– Сто с небольшим лет назад было подписано соглашение о вхождении Гмарры в состав Ольбадской империи, и на землях по эту сторону океана не осталось других государств.

– И что, все сто лет живут душа в душу? И никто не пытался отделиться? – не поверила я.

– Почему? Всякое случалось, но Младичи – хорошая династия, в роду было очень много талантливых правителей, так что пока существуем. А с полсотни лет назад...

Примерно полвека назад хитрый правитель грамотно перенаправил все агрессивные настроения подданных на заокеанского соседа, Регидон. Серьезных столкновений между двумя титанами не было и не предвиделось – очень затратно и бессмысленно воевать через океан, но наличие такой страшилки держало жителей в тонусе, подстегивало развитие вооружения, а следом за ним – и прочих отраслей производства. А ловля регидонских агентов стала любимой народной забавой и главной целью контрразведки. Иногда действительно ловили настоящих шпионов, что добавляло бодрости.

Тихомир Зорич, впрочем, к будням разведчиков никакого отношения не имел. Это был эксцентричный политический деятель, повеса и записной дуэлянт, который в момент своей смерти являлся фаворитом тогдашней вдовствующей владычицы. Лет за двадцать до окончательного Объединения, во время очередной попытки переворота Зорич был убит в драке с бунтующими студентами на ступенях центрального корпуса университета. Больше никакого отношения к славному учебному заведению погибший не имел, но владычица мстительно увековечила его имя.

То есть из-за одного фаворита закрывать славное учебное заведение – это слишком, а вот сделать такую мелкую гадость – самое то. Я считаю, очень по-женски. Мне понравилось.

Впрочем, нельзя сказать, что студенты очень уж сопротивлялись наименованию. Видимо, во время побоища Зорич сумел заслужить уважение противников.

– Изумительно, – со смехом подытожила я рассказ Недича. – Главное учебное заведение страны носит имя бабника и скандалиста. Не удивлюсь, если он любил выпить и вообще был тем еще раздолбаем, много чего можно прикрыть красивым словом «эксцентричный». Мне уже нравится этот университет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.